

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. От общественного беспорядка к суматохе чувств . . . 7

Часть первая. Разрыв отношений: дело чести

Элоиза и Абеляр. «Прощай, мой единственный» 32

Генрих VIII и Екатерина Арагонская. Изобретение развода . . . 53

Франсуаза де Роган и Жак де Немур.
Публичное оскорбление 71

Часть вторая. Дух галантности

Герцог де Ларошфуко и герцогиня де Лонгвиль.
Любовная обида 106

Людовик XIV и Луиза де Лавальер.
Без сожаления, но не без боли 132

Сидония де Курсель. Адюльтер либертинки 147

Часть третья. Слезы расставания

Роза Делоне и шевалье де Мениль.
Поражение романтического характера
(Идиллия в Бастилии) 178

Джеймс Босуэлл. Страсти либертина 196

Екатерина II и Григорий Потемкин.
«Вы принадлежите государству, вы принадлежите мне» 209

Жюли де Леспинас. «Это похоже на смерть, и это хуже смерти»	229
Мадам Дюдеффан и Гораций Уолпол. Любовь в сумерках . .	242

Часть четвертая. Потрясения от разрыва

Наполеон и Жозефина. Хроника объявленного разрыва . .	273
Александр Пушкин и Наталья Гончарова. Любовь и кодекс чести	299
Альфред де Мюссе и Жорж Санд. Проложить путь другим женщинам	318
Ференц Лист и Мари д'Агу	334

Часть пятая. Любовь — это утопия?

Симона де Бовуар и Нельсон Олгрэн. Сломленная	365
Аристотель Онассис и Мария Каллас. Предательство Улисса	382
Чарльз и Диана. Быть собой	404
Заклучение. Время внутреннего	419
Указатель имен	424

ВВЕДЕНИЕ. ОТ ОБЩЕСТВЕННОГО БЕСПОРЯДКА К СУМАТОХЕ ЧУВСТВ

В любви пленительно лишь ее начало. Неудивительно, что многие находят удовольствие в том, чтобы начинать вновь и вновь.

Принц де Линь

Прелесть новизны постепенно спадала, точно одежда, обнажая вечное однообразие страсти, у которой всегда одни и те же формы и один и тот же язык¹.

Гюстав Флобер. Госпожа Бовари

Казалось бы, о любви сказано уже всё. Но всё ли? Тема любовных побед исчерпывающим образом представлена в литературе и истории, в то время как разрыв отношений почти не привлекал внимания историков и не был предметом их изучения. Тем не менее страсть, ссоры, огорчения имеют свою историю, ведь, подчиняясь культурным кодам, они представляют собой различные, весьма изменчивые и труднодостижимые, ускользающие формы чувствительности.

От века к веку место любви в иерархии ценностей меняется, как и слова для ее описания, и о том, как следует

¹ Пер. Н. Любимова. — Примеч. пер.; далее примечания о переводчиках даются без особых пометок.

любить и почему любовь кончается, мы узнаем из романов и стихов. Так, переведенный с испанского «Амадис Галльский» был для Франции XVI века настольной книгой об искусстве любви: героическая любовь побеждает ссоры и расставания. Веком позже не меньшим успехом пользуются слезоточивые «Португальские письма»: обманутая любовь способна поколебать веру в ее цивилизаторскую роль и обещанное счастье. Современное прославление беззаботного секса и сменяющих друг друга мимолетных отношений, похоже, освобождает любовь и ее окончание от налета трагизма, оставляя при этом горечь воспоминаний.

Разрыв любовных отношений — это почти всегда дело принудительное. Внезапный или постепенный, но, как правило, односторонний, он чаще всего представляет собой утрату доверия или призрачного взаимопонимания, оканчивается столкновением чувств и интересов. В наши дни разрыву отношений не могут помешать ни юридические акты, ни общественное мнение: во Франции каждый второй брак оканчивается разводом. Неужели ставшее банальностью расставание перестало быть драмой? Расставание некогда любивших друг друга людей нередко сопровождается личностным или экзистенциальным кризисом, сопоставимым, по мнению психологов, с первым разлучением матери и ребенка: по словам психоаналитика Юлии Кристевой, любовь очаровывает, потому что она дает «космическое чувство удовлетворенного нарциссизма»; ничто не приносит большую боль, чем разрыв с любимым человеком. Произошел ли он по взаимному согласию или нет, крах отношений и уход партнера в буквальном смысле разрушают покинутого, социально и психологически.

На протяжении веков инициатива в разрыве отношений принадлежала мужчине. Нормы старого порядка и Гражданский кодекс 1804 года (кодекс Наполеона) предписывали замужней женщине послушание: мужчине позволялось

искать любовь на стороне, тогда как женскую неверность следовало наказывать. Несмотря на первые завоевания феминисток конца XIX века, несмотря на упразднение различных дискриминирующих юридических положений, касающихся супружеской неверности, несмотря на обретенное в XX веке равноправие мужчин и женщин, разговоры о делах сердечных редко бывают беспристрастными. Равенство полов не оспаривается, но остается неполным: мужчины не зависят от биологических часов, тогда как женщины вынуждены быть соблазнительными и оставаться желанными, чтобы их свободы признали на деле. Мужчины могут быть предприимчивыми и заявлять о себе, женщинам же надлежит хранить верность скитающемуся по свету Одиссею, который, может быть, возвратится на Итаку, а может быть — нет. Цели и задачи у мужчин и женщин тоже разные. Если для мужчины разрыв отношений означает всего лишь смену курса, то для женщины любовь — это самореализация, выражающаяся в возможности завести детей. Угроза конца любви вошла в плоть и кровь женщин, они чувствуют свою уязвимость: разрыв отношений для них зачастую означает крах всей жизни; будучи брошенными, они опасаются, что не смогут вновь полюбить и быть любимыми.

Попытки включить эволюцию разрывов любовных отношений в историческое поле наталкиваются на множество препятствий. Как подступиться к эмоциям прошлого? Иррациональный взрыв любви, желаний, страстей — вещь настолько интимная, что не вписывается в хроники истории, не становится предметом изучения историков. Удастся ли любовной страсти не подчиняться социальным нормам? Находится ли она вне исторического поля? Надо признать, что нормы, регулирующие жизнь в обществе, сумасшедшей любви предпочитают дружеский договор, основанный на стабильном совпадении интересов. Поэтому, желая подступиться к эмоциональным отношениям, мы воспользовались

частными микроисториями, обратили внимание на историю чувств отдельно взятых людей. Пары, представленные на страницах этой книги, были выбраны потому, что они оставили правдивые свидетельства своей любви, письма и личные дневники, отметив таким образом институциональные или культурные изменения истории. Несмотря на то что репрезентативность выборки ограничена принадлежностью этих пар к привилегированным кругам общества, мы имеем возможность пересмотреть мифы и пролить свет на один из главных страхов нашего времени, а именно — на крах любви.

Важнейшие изменения в эмоциональной истории Франции затрагивают — в большей степени, чем внутренние переживания, — интеграцию пары в социальный, семейный, юридический порядок. Первые любовные коды возникли в обществе христианском, но еще не христианизированном; вождение стало одним из смертных грехов, а супружеская верность была возведена в незыблемый принцип: христианский брак, моногамный и нерасторжимый, доктрина которого складывается в промежутке между XII и XVI веками, базируется на взаимном согласии двух индивидов, по образу любви Христа и его церкви. На деле же выбор супруга делается прагматичными отцами, руководствующимися не столько взаимной склонностью молодых людей, сколько имущественными интересами: муж и жена практически не существуют как «пара»; они лишь звенья в семье или клане. Церковь принимает в расчет слабые места системы: в некоторых крайних случаях (жестокое обращение или расточительство) с согласия церковного суда допускается раздельное проживание супругов, однако церковный брак не расторгается. Церковные власти также могут признать союз недействительным по следующим трем мотивам: принуждение, близкое родство супругов или импотенция.

Относительно матримониальных практик в Средние века мы имеем мало информации. Из документов, хранящихся в судебных архивах, известно, что разрыв отношений мог быть достаточно жестким: 1–2% преступлений в конце периода Средневековья были преступлениями на почве страсти и совершались супругами. Язык любви, в значительной мере заимствованный у Овидия, конечно, известен; его можно найти в легендах, эпосах и романах, адресованных рыцарскому сословию. Легенда о Тристане и Изольде, беспрецедентно популярная в XII–XIII веках, обессмертила идею о фатальности страсти, которую символизировал магический любовный напиток. Эта образцовая любовь, вознесшаяся над всеми законами, отвечает тайному и необоримому стремлению к счастью, которое воплощено в образе вечных любовников; но любовь — это еще и неуловимый яд, который циркулирует в венах и разбивает сердца; ревность всегда где-то рядом. Пленяющая, тиранящая, разрушающая, любовь не считается с правилами жизни, принятыми в обществе, и рушит все преграды на своем пути; стыд — главная эмоция, которая сопровождает любовь, если возникает подозрение во лжи или измене; однако этот стыд никого не делает безукоризненно честным; разрыв первоначально — это прежде всего пощечина обществу, и только потом — глубоко интимные страдания: расставание — это оскорбление, наносимое чести клана или семьи.

Постепенно общество становится все более цивилизованным, светская жизнь освобождается от феодальной зависимости. Теоретики любви стремятся примирить страсть с внешней благопристойностью, желание — с уважением к его объекту; идеалом становятся галантность и благо нравная любовь. Любовь в XVII веке подчинена другим страстям — честолюбию и желанию прославиться, воле и смелости, которые были престижны и обеспечивали

человеку уважение к самому себе. Если случается разрыв отношений, он выглядит как жертва, принесенная на алтарь чести — или самолюбия. Перед лицом этого аристократического идеала, принятого при королевском дворе, суровая янсенистская мораль¹ акцентирует внимание на тщетности славы и жадном и ревнивом желании, присутствующих во всяких любовных отношениях, даже искренних, что связано с полнейшей греховностью человека; герои трагедий Расина, несмотря на все свои добродетели, уступают роковым страстям. Проявления малодушия, непреодолимая потребность в «развлечениях» и новизне — неотъемлемая часть человеческой природы; как писал Паскаль в «Мыслях», «люди ненавидят друг друга, такова их природа»; любовь же хороша лишь в первые дни.

Нормы эмоциональной жизни практически не меняются до последней трети XVII века. Смерть Людовика XIV в 1715 году открывает более свободный новый век, одержимый идеей счастья, появляется новый взгляд на отношения в паре. Старый дискурс о героической любви постепенно исчезает, ему на смену приходит восхваление священных прав природы. Индивид открывает в себе бесконечное богатство чувств, и эта субъективная точка зрения дает имя новому понятию — «любовному чувству». В 1769 году переводчик Лоренса Стерна, английского писателя, автора маленьких смачных зарисовок о французском обществе, вводит во французский язык слово «сентиментальный»; сентиментальность входит в моду, и пятью годами позже Кармонтель², писавший в форме «пословиц» легкие

¹ Янсенизм — религиозное движение в католической церкви XVII–XVIII веков, осужденное как ересь. Подчеркивало испорченную природу человека вследствие первородного греха. — *Примеч. пер.*

² Кармонтель (настоящее имя Луи Каррожи, 1717–1806) — французский поэт, художник и архитектор, автор пьес в жанре популярных в его время драматических пословиц.

комедии для развлечения двора, высмеивал «сентименталов». Чувство, естественная склонность, понемногу становится гарантией личного выбора и счастливой личной жизни, основанной на взаимной любви. Руссо приветствует брак по любви: сердце, которое не обманешь, очищает природные инстинкты, «не следует за чувствами, а ведет их». «Слишком тугие узлы рвутся. Вот что случается с браком, когда его удерживают силой».

Чувства неразрывно связаны с тревогой: познать себя означает принять постоянные сердечные сомнения и ощутить свою уязвимость. Невозможность удовлетворить свои желания, столкнувшись с принятыми в обществе нормами, приводит юного Вертера, героя Гете, к самоубийству. По мнению историка Робера Мози¹, в последней трети XVIII века мифология несчастья обгоняет счастье и возвещает романтическую революцию. Любовные страдания чувствительных натур — готовность принять судьбу, таить в себе неутраченную боль — возводятся ими в превосходную степень. Любовь — это не иллюзия: ее узлы основательны, абсолютны, интимность, порождаемая ими, очень глубока, поэтому любовь постоянно находится под угрозой. Во многих книгах и брошюрах оплакиваются «тысячи несчастных супругов, мучающихся в неудачных семейных союзах, которые нет возможности расторгнуть». Если право на счастье относится к законам природы, то крах супружеских отношений не менее естественным образом должен повлечь за собой право на разрыв несчастливой союзу, в котором нет любви.

Созидая новое общество, свободное от патриархального принуждения, революционные законы от сентября 1792 года превращают брак-тайнство в гражданский акт,

¹ *Mauzi R. L'Idée du bonheur dans la littérature et la pensée française au XVIIIe siècle (1979).*

который в случае необходимости может быть отменен. Новые законодатели учреждают право на развод, который стал доступен как самым бедным, так и самым богатым, как мужчинам, так и женщинам. Предусматриваются три типа причин для развода: взаимное согласие, несовместимость характеров и «объективные причины», такие как слабоумие одного из супругов, уход из дома или ставшее достоянием общности безнравственное поведение. Гражданский кодекс 1804 года не отменил светский характер брака, но запретил разводы по причине несходства характеров, сочтя подобную формулировку слишком размытой. Разводы были вновь запрещены в 1816 году, и пришлось ждать еще почти семь десятилетий, чтобы появившийся в 1884 году закон Наке¹ восстановил право на развод. Тем не менее еще на протяжении десятилетий развод рассматривался как отклонение от нормы.

В основе современной пары конца XX века лежат две ценности, которые отныне не ставятся под сомнение: любовь и свобода. Женщины добились независимости; заниматься сексом теперь можно не только ради зачатия ребенка; юридически оформленный договор о гражданском браке (гражданское партнерство) оставляет достаточное пространство для маневра, и слово «да», произнесенное супругами перед лицом мэра, через несколько месяцев легко может превратиться в «да» при разводе по обоюдному согласию. Современный брачный союз, базирующийся на индивидуалистических ценностях, главная из которых — любовь, призван обеспечить расцвет каждого. Сексуальное удовлетворение — «несущая конструкция» жизни пары: от него зависит эмоциональная привязанность. На смену традиционной рыцарской игры, в которой мужчина

¹ Альфред Наке (1834–1916) — французский врач, химик и политический деятель, инициатор принятия закона о разводе. — *Примеч. пер.*

завоевывает, а женщина отдается, приходит договор равноправных партнеров.

Похоронит ли «новый любовный порядок» длительные отношения? Нет ничего более хрупкого, чем желание. В последнее время стремительное развитие интернета и появление многочисленных сайтов знакомств сделало секс банальностью. Предвкушение стало сильнее, чем когда-либо, но оно таит в себе разочарование и небезопасность. В отсутствие сдерживающих установок и общественных условностей отношения становятся все менее надежными, в погоне за новизной расставания следуют одно за другим. «Наше общество стало относиться к разрыву отношений как к неизбежному злу, без которого невозможно согласие», — пишет социолог Ева Иллюз в работе «Почему любовь ранит»¹. Любое расставание — спокойное или скандальное — приносит боль, и страдания, вызванные агонией любви, дело нешуточное. Анкеты, проводимые психологами, показывают, что эти страдания создают серьезные психологические проблемы, от депрессии до суицида; гнев, борьба, желание отомстить, бегство, обесценивание собственной личности, опускание рук — вот составляющие любовных мук. В обществе, где самореализация и счастье считаются обязательными, крах любви становится самой тяжелой драмой, с которой может столкнуться индивид, и оставляет неизгладимый след.

Тем не менее нередко раны затягиваются; примириться с воспоминаниями, вновь обрести потерянную часть себя, снова стать способным к восприятию нового — это уже половина дела; утихшие страдания могут принести освобождение. И в XXI веке люди стремятся к стабильной и искренней любви, способной бороться с бренностью эфемерного мира.

¹ *Illouz E. Pourquoi l'amour fait mal* (2012).

Часть первая. Разрыв отношений: дело чести

Когда любовь уходит, каждый имеет право испытывать боль. Любовники, супруги прекращают друг друга любить, он (или она) уходит; резкий или постепенный, внезапный или предсказуемый, разрыв отношений сопоставим с болью, которая сильнее, чем биологическая смерть, по крайней мере до тех пор, пока время не сделает свое дело и любовный крах не забудется и не станет безразличен. На протяжении двух тысяч лет стоны по ушедшей любви звучат в литературных произведениях. Что бы ни привело к разрыву отношений, эти стоны и эти реки слез — одни и те же из века в век.

В конце I века до нашей эры Овидий через свою героиню Дидону, покончившую с собой из-за бегства Энея, оплакивает всех брошенных и преданных женщин:

Вся я горю, как горит напитанный серою факел
Или как ладан святой, брошенный в дымный костер.
Образ Энея в душе и днем остается, и ночью,
Образ Энея — в глазах, сон позабывших давно.
Нет благодарности в нем, ко всему, что я сделала, слеп он,
С ним бы расстаться была рада я, будь я умней¹.

Перед разрывом воспламеняется ревность, эта непроходящая жгучая боль, которая сопутствует состязанию с соперником; разгневанная Деянира, увидев, как по улице проходит прекрасная Иола, иноземная возлюбленная Геркулеса, в бешенстве стонет:

¹ Овидий. Героиды. Письмо Дидоны к Энею. Пер. с лат. С. А. Ошерова.

...И отвернуться нельзя: глаза глядят против воли,
 Как через город идет пленница вслед за тобой,
 Не распустивши волос (не так, как бывает у пленных),
 С видом таким, словно ей бед не послала судьба...¹

Когда Овидий сочинил пятнадцать любовных писем, которые могли бы написать героини античной мифологии, ему не было еще двадцати лет, он брился всего лишь два раза в жизни. Так родился жанр письма несчастливой любви, горя и траура.

*Исторический контекст и моральный кодекс,
 IX–XV века*

Что же такое любовь? Болезнь, безумие, обычное удовольствие, вроде охоты и рыцарских турниров, или высшее благо? Авторы средневековых трактатов, поэм и романов соглашаются по крайней мере в одном: безответная или обматуемая любовь сводит с ума. Доблестный Ланселот, разлученный с женщиной, которую любит, впадает в депрессию и «неистовство»: рвет на себе волосы, расцарапывает лицо, раздражается рыданиями, блуждает по лесу, потому что он «потерял надежду быть любимым» (безумие Ланселота).

Каждая эпоха создает свои собственные ценности и эмоциональные нормы, в основе которых лежат воображаемые представления. Феодалное общество — это общество свободных и амбициозных рыцарей; их агрессия, насилие, грабежи, похищения людей, которыми они нередко занимаются, компенсируются совершением подвигов, мужеством и верностью сюзерену. Рыцарская любовь идеальна; завоевание дамы является наградой, о которой мечтают рыцари

¹ Овидий. Героиды. Письмо Деяниры к Геркулесу. Пер. с лат. С. А. Ошеров.

на поле брани и которую воспевают трубадуры в маленьких господских двориках. Честь, смелость, уважение, преданность, скромность — это правила куртуазных отношений, сложившиеся в XII веке; на них, за пределами брачных законов, между мистической любовью и любовью плотской, основана светская любовная этика; молодые воины, холостяки и соперники, должны доказать свою ценность. Ревность — это «самая суть любви, без которой не может быть настоящей любви»¹. Возникает любовная казуистика: «Если дама обманута первым любовником, поступает ли она бесчестно, заводя другого любовника, более верного?» «Потеряв надежду на встречу со строго охраняемой ревнивым мужем дамой, может ли рыцарь начать искать новую любовь?» Куртуазная любовь восхваляет не столько женщину, сколько женственность. Двумя веками позднее Кристина Пизанская² в книге «Послание богу любви» восстанет против мужской концепции любви, не принимающей во внимание желания женщин.

Одновременно с ростом городов изменяются ценности и диверсифицируются функции: моногамный брак становится основой социального уклада. Для мужчины он не является самоцелью, но выполняет регулирующую функцию, потому что укрепляет связи между семьями; предназначенный для воспроизводства и процветания вотчины, брак стратегически выверен родственниками, и его стабильность гарантирует стабильность сообщества. Любовь — это ненужная роскошь; средневековые теологи не скрывают

¹ Андрей Капеллан. Трактат «О науке куртуазной любви» (André de Chapelain, *Traité de l'amour courtois*).

² Кристина Пизанская (1364/65–1430) — средневековая французская писательница итальянского происхождения, автор ряда философских трактатов о роли женщины в семье и обществе. Большинство современных ученых-феминисток считают ее произведения началом современного феминистского движения. — *Примеч. пер.*

беспокойства и даже неодобрения мощи желания; слишком горячий нрав мужа, излишняя любвеобильность жены вредят общественным отношениям и отвлекают от любви к Богу.

С IX века постепенно начинают складываться канонические правила брака, этому способствовала и григорианская реформа¹. На протяжении целого тысячелетия на едва христианизированном Западе супружеский союз оставался нестабильным, разрывы отношений были частым явлением. Римское право и германский брак позволяли мужчинам выгонять жен, и в богатых семьях разводы были весьма распространены. Для знатных персон эпохи Каролингов многоженство было средством вести союзническую политику и увеличивать свои владения мирным путем, не развязывая войн; отец отдавал свою дочь мужу, а тот взамен оставлял ей наследство; брачная церемония скрепляла союз, делая будущих детей законнорожденными. Однако законными считались и другие союзы, уже без оставления наследства женщине, — таким образом удовлетворялись сексуальные потребности молодежи и завязывались дипломатические отношения. Карл Великий, например, был женат пять раз, без колебаний перевел свою первую жену Химильтруду в статус конкубины и вступил в брак с дочерью короля лангобардов.

В средиземноморских регионах, где каноническая традиция Церкви начиная с IV века принимает эстафету от римского права, разводы разрешаются в лишь некоторых определенных случаях: например, в случае сексуальной несостоятельности, ухода кого-то из супругов из дома или измены.

В действительности же старые достаточно снисходительные обычаи сохранились почти повсеместно, и односторонние

¹ Григорианская реформа — ряд церковно-административных и канонических преобразований, осуществленных в понтификат папы Григория VII (1073–1085). — *Примеч. пер.*

разводы по-прежнему в ходу. Около 820 года, после падения империи Каролингов, на смену высшим имперским чиновникам приходит епископат. Священники начинают вмешиваться в матримониальные дела с целью повысить нравственность союза, навязывают парам моногамию и берут на себя роль судьи в ситуациях, когда существуют препятствия для вступления в брак: двоеженство, адюльтер, инцест или близкородственные отношения желающих заключить брачный союз. Знаменитое дело 1092 года о повторном браке Филиппа I, который заточил свою жену Берту в замке Мотрей-сюр-Мер ради женитьбы на Бертраде, жене графа Анжуйского, во многом поспособствовало тому, чтобы знатные сеньоры подчинились новым требованиям Церкви: босиком, в рубище, король должен был дать клятву, что никогда больше не вступит ни в какие отношения с Бертрадой и сможет заговорить с ней исключительно в присутствии посторонних. Крестьяне, в отличие от аристократов, с большей готовностью приняли моногамный брак, полагая, что это позволит сохранить земельную собственность.

Церковь очень быстро оценила роль брака в обществе, проявила обеспокоенность анархией, царящей в сфере супружеских отношений, и начала создавать идеал, способный отвечать одновременно и этическим устремлениям, и чувственным порывам феодального общества, движимого эмоциями. Телесные отношения стали предметом обсуждения; Абельяр, бесстыдно заявляя, что в супружеском сексе самом по себе нет ничего предосудительного, нарушил моральные законы, и теологи увидели в этом разрушительные последствия страсти. В 1184 году Церковь официально признала «таинство брака», одновременно духовное и телесное. В 1215 году на IV Латеранском соборе были установлены правила христианского брака: в его основе — обоюдное согласие вступающих в брак, которые обмениваются словами «я беру тебя в жены» и «я беру тебя в мужа».

Это публичное действо: во избежание дальнейших отказов священник благословляет союз в присутствии свидетелей. Брак моногамен и не подлежит расторжению — таинство не может быть отменено людьми. Вступать в брак разрешается с весьма раннего возраста: 12 лет для девочек и 14 лет для мальчиков. Для уверенности в законности будущего союза Церковь приветствует практику помолвки; в конце XII века каноническая доктрина признает действительными и «предполагаемые» браки, если окажется, что молодые люди вступили в интимные отношения до свадьбы, поклявшись в верности. Во время помолвки в торжественной обстановке происходит обмен подарками и подписание брачного контракта, в каждом регионе у этого события были свои особенности. Несмотря на то что помолвка благословляется священником, она не означает, что решение принято раз и навсегда; контракт может быть аннулирован с возмещением убытков под контролем судьи. Церковный брак, в свою очередь, не может быть расторгнут: люди женятся пожизненно.

Неудачные браки

Разногласия, обиды, ревность... конфликты в супружеской жизни неизбежны. Муж — хозяин, жена обязана ему подчиняться. Как правило, общие интересы берут верх, супруги поддерживают друг друга, помогают пережить невзгоды. Случается и так, что родители, выбирая мужа для дочери или жену для сына, принимают во внимание склонности детей, и тогда супруги живут в согласии и дружбе. Однако каждый брак, удачный или неудачный, должен пройти испытание временем. Муж ходит по злачным местам, пьет, залезает в долги, спит со служанкой или приводит пьяных дружков домой на ужин. У жены часто подгорает рагу, она транжирит деньги, она болтлива, бесцеремонна

и выставляет свою красоту перед нескромными взглядами мужчин. Муж, боящийся, что жена будет ему изменять, запирает ее дома; ей ничего не остается, кроме как подчиниться его воле; «всяк сверчок знай свой шесток» — гласит народная мудрость. От оскорблений муж переходит к угрозам, от угроз — к рукоприкладству; насилие нарастает стремительно; достаточно одного лишь подозрения — и страсть яростно рвется наружу. Мужья широко пользуются правом наказывать жен в воспитательных целях, а соседи все знают, но помалкивают.

Для разрыва супружеских связей недостаточно несчастливого брака. Мало кто из жертв насилия осмеливается подавать на обидчика в суд, к тому же это удовольствие стоит дорого, а разбирательство тянется долго. Церковный суд, в чьем ведении оказываются бракоразводные дела, начинает следствие, выслушивает супруга, вызывает свидетелей. Как правило, женщины выдвигают в качестве обвинений жестокое обращение со стороны мужей или расточение семейного имущества; обвинения мужей в основном касаются репутации жен. Измена — вторая важнейшая причина разводов; достаточно малейшего слуха о том, что женщина торгует телом, или же ее скандального поведения, чтобы под сомнением оказалась честь не только мужа, но и всей семьи, — однако никакие показания третьих лиц в расчет не принимаются. Измена мужа осуждается лишь в том случае, если имеет место сожитительство или если любовница — замужняя женщина; чаще всего муж просто «ходит на сторону». Судебный процесс идет очень медленно. Для начала суд пытается примирить супругов и дать возможность провинившейся стороне вернуться в семейное гнездышко; в случае рецидива и невозможности примирения судья выносит приговор о телесном и имущественном разделе, на несколько месяцев или навсегда. Начиная с XV века в разных регионах эстафету от церковного суда принимает

светское правосудие — господское или королевское. Постановление о разводе означает окончание обязательств выполнять супружеский долг, однако супругам — и тому, по чьей вине произошел развод, и обиженной стороне — не разрешается снова вступить в брак.

Несмотря на то что каноническое право не признает дискриминации по гендерному признаку, решения суда в отношении женщин всегда оказываются более суровыми, чем в отношении мужчин; супруга, уличенная в адюльтере, теряет право на свое приданое и то, что ей причитается по брачному контракту; ей коротко стригут волосы, порют розгами, а потом заключают в монастырь на год или на два, где она носит одежду, которую носила «в миру». По истечении двух лет муж может простить ее и без всяких формальностей взять к себе в дом или, наоборот, оставить ее до конца дней в монастыре; что же до любовника, то его отправляют в ссылку или же на галеры. Однако судья может просто заставить жену вернуться в супружеский дом. Многие обманутые мужья предпочитают не «заявлять» на своих жен — обращение в суд равносильно признанию в неспособности навести порядок у себя в доме, лучше уж не выносить сор из избы. Муж, терпящий измены, о которых известно всем и каждому, становится мишенью для насмешек; рогоносец вызывает больше издевательств, чем сочувствия. По мнению медиевиста Шарля де ла Ронсьера, судебная практика в XV веке направлена на ужесточение наказаний. Тем не менее еще долго на мужскую сексуальную вседозволенность смотрят сквозь пальцы.

В очень редких случаях могла быть начата процедура аннулирования брака; ходатайство при этом непременно должно было подаваться в церковный суд. Основные причины подобного аннулирования — близкородственные связи супругов, введение в заблуждение о состоянии здоровья одного из них (импотенция, бесплодие), отказ заводить

детей или соблюдать верность супругу, двоеженство или двоемужество, физическая незрелость: супруги, помолвка и брак которых были устроены родителями до момента полового созревания детей, могли обратиться в епархию с просьбой об аннулировании брака, потому что, с точки зрения канонического права, подобный брак был заключен без согласия молодых, бывших в момент сговора малолетними. Обоим супругам в таком случае разрешалось жениться или выходить замуж повторно. Заявления о расторжении подобных браков рассматривались очень подолгу, и зачастую решение зависело от социального положения заявителей.

У нас недостаточно статистических данных, чтобы оценить количество разводов, данных церковью и светскими судами, но можно сказать, что в сельской Франции, где собственность на землю являлась важным сдерживающим элементом, их было очень немного. В основном окончание отношений бывало вызвано не столько отказом от сексуальной близости, сколько смертью одного из супругов. Помимо брачных споров до сих пор не находят решения и другие вопросы: являются ли обещания, даваемые друг другу женихом и невестой, и последующая консумация отношений достаточными основаниями для брака? Как переживать воздержание, когда между супругами больше нет близости? Вопросов много, и со всех сторон слышны жалобы мужчин и женщин, семейная жизнь которых сложилась неудачно. Гуманисты — например, Эразм — в начале XVI века осмеливались говорить о другой концепции таинства брака, в основе которой лежит дружба и нежность; дополнительным элементом такой концепции могла бы быть доступность развода в случае, если отношения супругов не сложились. Протестантская Реформация под руководством Лютера и Кальвина ставит этот вопрос остро: брак теряет свою священность, не является больше